

Культура — 2005. — 25-31 авг. — “Пер Гюнт” — это что-то декадентское

100-летие со дня ухода Ибсена Норвегия начинает отмечать загодя

В 2006 году исполнится 100 лет со дня смерти выдающегося норвежского драматурга Генрика Ибсена. Скончался он в Христиании (Осло) 23 мая 1906 года. Но уже теперь во всю идет подготовка к приближающейся дате.

Существует план на 2006 год, предусматривающий самые разные мероприятия на тему — выставки, спектакли, семинары, Международный ибсеновский фестиваль, который пройдет с 24 августа по 10 сентября. Сделан фильм — новая версия пьесы Ибсена “Враг народа”. Составлены списки его постановок по всему миру. Цифры впечатляют. Наибольшей популярностью пользуются “Кукольный дом”, “Гедда Габлер” и “Пер Гюнт”. Мероприятия запланированы по всей стране и особенно в тех городах, где Ибсен жил и работал, а биография у него пестрая. Начиная трудовой путь учеником аптекаря в Гримстаде, семья-то была бедная, и нужно было самому зарабатывать на жизнь.

24 февраля 1876 года впервые был поставлен ибсеновский “Пер Гюнт”, написанный, кстати, не в Норвегии, а на острове Искья в Италии, и это еще одна вежа. Автору этих строк несказанно повезло оказаться в числе восьми журналистов из США, Франции, Румынии, Финляндии и России, которые побывали в местах, непосредственно связанных с Ибсеном и его героями.

Мы живем в России, многонаселенной и бескрайней, и часто не помним своей истории. Ну Пушкин и Пушкин, Толстой и Толстой, много у нас и других хороших писателей и творцов. А Ибсен в Норвегии сродни Богу, и это — удивительное ощущение.

Уже само пребывание во Франкфуртском аэропорту и ожидание рейса в Осло — все равно что знакомство с ибсеновскими типажам. Многочисленные дамы, вернее фру, так назвали героинь Ибсена — по повадке, по стати. Все они были тепло одеты, несмотря на летнее время. Сразу видно, северные люди, и в Норвегии уже холодные ночи, особенно в горах, где, собственно, и предстояло нам провести два дня, где никого вокруг, только тишина, нарушаемая перезвоном колокольчиков. Вереницами тут вольготно шествуют странные караваны: две овцы, за ними пара-тройка коров и несколько лошадей. И так весь день.

В аэропорту Осло первое, что бросилось в глаза, самолет “Скандинавия” из Дании с надписью “Андерсен” и профилем великого сказочника. Его 200-летие со дня рождения Дания, а вместе с ней и весь мир отмечают весь 2005 год, и это очень трогательно. Ибсена, судя по всему, ждут меньшими почести. Нас же ожидала любопытная цепь событий.

“Гранд-отель” в Осло, где в день прилета разместили участников тура, спавен тем, что в его кафе есть не то что столик, где сидивал некогда Ибсен, но целый заповедный уголок. Вы можете присесть и позавтракать там, выпить кофе, а со стен будет смотреть на вас сам Ибсен с его многочисленных изображений. На шестом этаже отеля имеется табличка, указывающая на местонахождение номера 654, именуемого апартаментами Ибсена. Есть тут и так называемые ибсеновские апартаменты, в которых традиционно останавливаются обладатели престижной премии в области укрепления мира, которая вручается не в Стокгольме, а в Осло.

В тот же вечер на самом высоком уровне дается прием в честь прибывших участников семинара, на котором присутствовали министр иностранных дел (и дело не в нас, а в Ибсене, уважении к этой Персоне) и женщина с необыкновенным именем Нора Ибсен. Она — продюсер, член ибсеновского комитета, и просто Нора Ибсен. Этим все сказано, можно считать, что это профессия, образ жизни и ее смысл. Нора — праправнучка великого драматурга. Сестру ее зовут Гедда, но не Габлер, а Ибсен. Уже их дети — сын Норы и дочь Гедды не носят столь славных имен. Все три часа за ужином только и разговоров, что об Ибсене и его восприятии в современном мире. Нора очень эмоциональна и живо показывает, как сегодня иной раз расправляются с Ибсе-

Т. Ибсен держит речь

Ч. Санда — нежнейшая из Сольвейг

ном, каким его представляют. Непременно с обвисшими щеками, будто из папье-маше, каким-то мрачным господином, а его произведения готовы уложить в 67 минут. Нора говорит о замшелых трактовах, невозможности отступить от написанного Ибсеном слова, о неверно понятых традициях, либо полном цирке, акробатике, в которые превращают произведения ее пращуря некоторые постановщики. Такие две крайности. В том зале, где давался ужин, на стенах угадываются очертания Осло и фигурки людей, одна из них — не кто иной, как Ибсен. Ее нам отдельно представляют, а мы внимательно рассматриваем.

Ибсен за 67 минут, и все дела — в этом, в общем, нет ничего оригинального. Наводнена же Англия изданиями, где под одной обложкой собраны все пьесы Шекспира в кратком изложении. Ибсена не раз тут поставят в один ряд с Шекспиром. Кстати, Нора, насколько мы можем судить по дошедшим до нас изображениям, очень похожа на своего славного предка, а уж ее отец, Танкред Ибсен, — вылитый Ибсен. Ему, как говорится, сам бог велел — он-то и вовсе правнук. Есть такое мнение, что прототипом Норы стала для Генрика Ибсена его собственная жена.

Я никак не могла восстановить фамильное древо этой семьи, пока мне не начертили схему. Интересно было тут прежде всего, на каком этапе произошло объединение славного рода Ибсена с не менее славным родом Бьернстерне Бьернсона. Имя последнего в России известно немногим. Театроведы его точно знают по курсу зарубежного театра, но поскольку сценическая практика никак не подтверждает теорию, по окончании учебы оно просто уходит из памяти. Между тем Бьернстерне Бьернсон в отличие от Ибсена мог бы вполне занять нобелевский номер “Гранд-отеля”, поскольку удостоен был за свою литературную деятельность Нобелевской премии.

Так вот дети классиков — сын Ибсена и дочь Бьернсона когда-то поженились, у них родился сын, ставший впоследствии режиссером. А уж его сын Танкред стал послом. В результате и являются ныне здравствующие Танкред, Нора и Гедда Ибсен продолжателями славных двух ветвей.

День второй. Утром всех погружают в микроавтобус и везут к северу от Осло, в горы, на ферму Бьернстерне Бьернсона в местечко под названием Aulestad. Вообще все это мини-путешествие — сплошное посещение

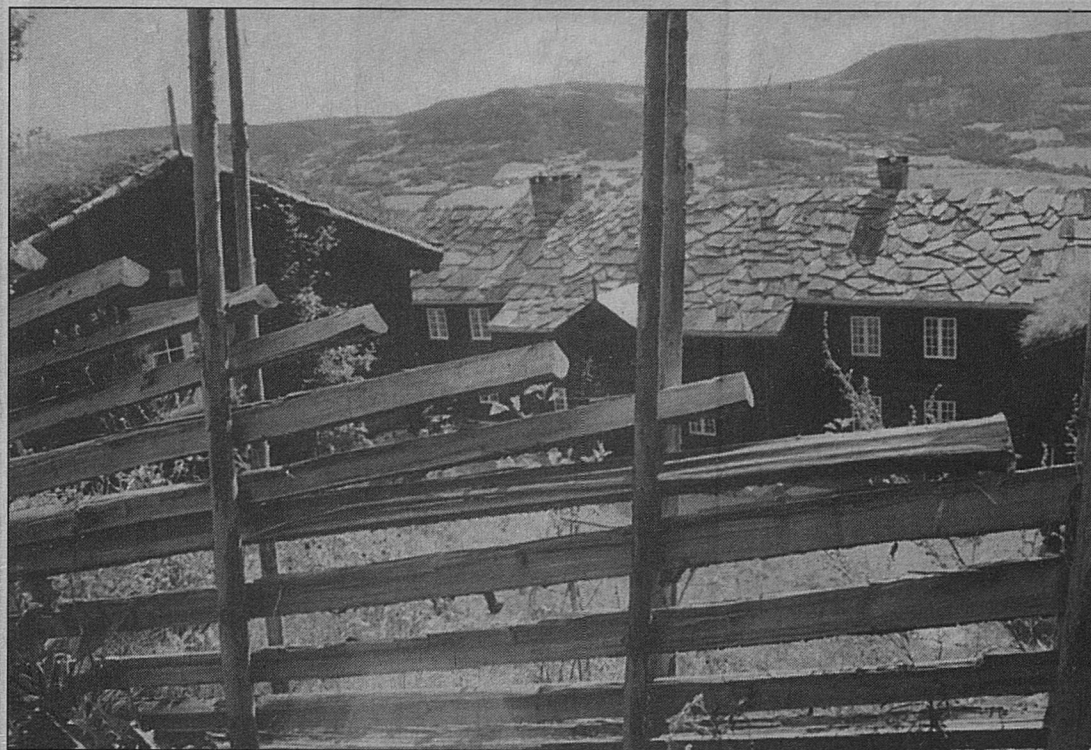
ферм, или, как бы сказали у нас, деревенских домов.

В доме Бьернсона среди прочих — портрет Льва Толстого. Тут шла простая деревенская жизнь не без налета аристократизма. В кухне — огромный чан, в котором жена Бьернстерне варила шоколад и какао для всей семьи. После смерти супруга она позаботилась о том, чтобы превратить свой дом в музей. Рядом с ним — обелиск с профилями супружеской четы: Бьернстерне Бьернсон (1832 — 1910) и Каролина Бьернсон (1835 — 1934). Бьернсон был не только писателем, драматургом (его пьесы “Между битвами”, “Король Сверре”, “Сигурд Злой”, “Сигурд Крестоносец”, “Перчатка”, “Король”, “Банкротство” у нас практически неизвестны), чей памятник теперь стоит рядом с Ибсеном перед Национальным театром в Осло, но и дипломатом.

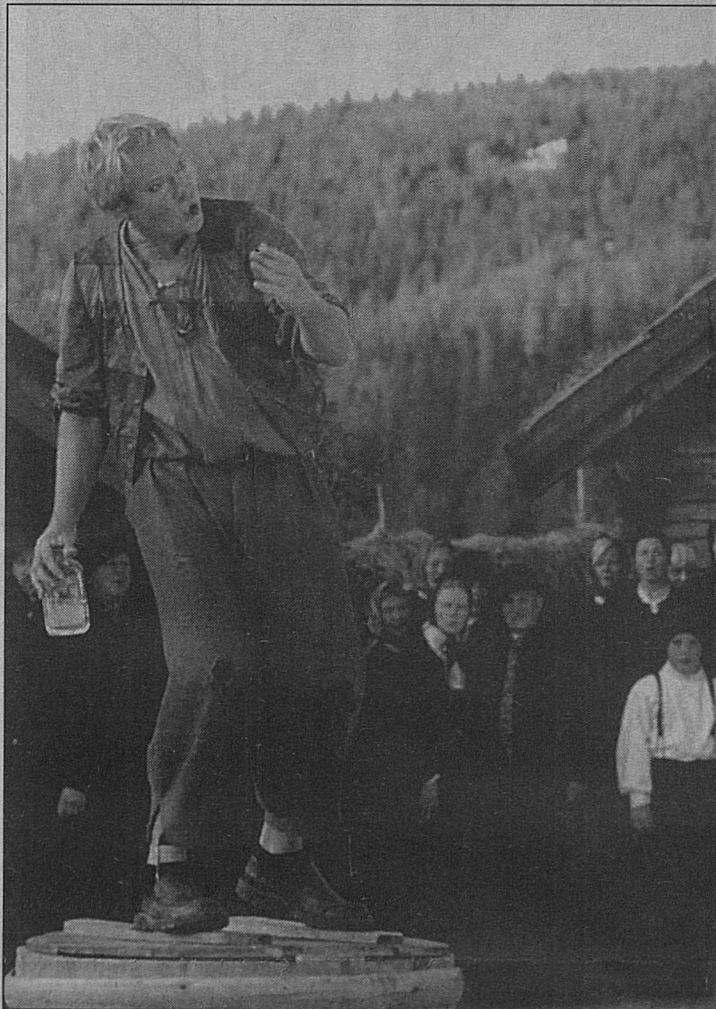
Вечером запланировано посещение спектакля “Пер Гюнт”. Достаточно только войти в это сценическое пространство на пленэре, как вспомнятся слова Аркадиной из “Чайки”, произнесенные на берегу озера, где Костя Треплев ставит собственную пьесу: “Это что-то декадентское”. Перед нами тоже колдовское озеро, конца края которому не видно, — типично норвежское, между гор. А на его берегу сооружен амфитеатр мест на 700. Вместо кулис — кустики, из-за которых по ходу дела и появляются герои. Сбоку — три избушки. В одной расположился оркестр, исполняющий музыку к “Перу Гюту” и в одном из писем сам себя не шадил, говоря о том, что его сочинение отдаст королями лепешками, норвежским духом и самодовольством. А в письме Бьернсону он скажет о том, что за “Пера Гюнта” его заставила взяться денежная нужда, вернее, денежное предложение и что, возможно, не следовало бы его принимать. Было и другое послание: “Я все еще воюю с музыкой к “Перу Гюту”, которая меня не интересует”. В советском музыкальном каталоге много говорилось о непростых взаимоотношениях Ибсена и Грига, о том, что Григ никогда не относился к Ибсену так тепло, как к Бьернсону. (Нам удалось осмотреть гостевую комнату в Aulestad, где жил во время своих визитов Григ.) В Норвегии ни о каких тучах во взаимоотношениях великих творцов речи не было.

Но вернемся к спектаклю на берегу озера. В двух других избушках, крыши которых заросли травой, как это вообще сплошь и рядом происходит в Норвегии, хранится необходимый реквизит, из них выбегают герои по ходу дела. Изначально же появляются прекрасная Сольвейг. Тут же лежит огромный валун. Его окутает дым, и в финале он сослужит спектаклю службу. На нем будет лежать постаревший Пер Гюнт, вернувшийся после сорокалетних скитаний в родные места. А у озера спиной к нему будет долго стоять старушка Сольвейг. Рядом, лицом к публике — та, давняя, прекрасная и молодая возлюбленная. И в этом что-то щемящее есть. Так сходится прошлое и настоящее, а будущего, скорее всего, нет. Сорок лет проскитался по земле Пер Гюнт. Побывал даже в Африке. Бесцельной ли была его жизнь, как нас когда-то учили? Бог весть. Всякая жизнь самоцельна. Сорок лет ждала этого человека прекрасная женщина. Теперь она седая и старая. Нам все время твердили, что Пер Гюнт — эгоист и приспосабливец, не то что другой ибсеновский герой, Бранд, готовый на любую жертву. А вот Танкред Ибсен назовет Пера храбрым человеком.

Удивительное дело, смотришь на

Здесь жил Пер Гюнт

Спектакль на берегу озера

Пер Гюнт поначалу не такой уж и юный деревенский парень, сильно накрашенный и очень блондинистый. Препарируется то и дело с матерью, встречается с Сольвейг, а потом проходит все искушения и испытания мира, какие только могут выпасть на долю человека. Три красотики-пастушки в сене трясут обнаженной грудью, а потом выбегают в исподнем, сквозь которое вываливаются их дряблые телеса. Фигуры явно не для обаяния, но на то и рассчитано. Потом появятся тролли, зданий многочисленный отряд жмуриков, а уж

как прилгут на землю в своих портках, напоминающих кальсоны и смитерильные рубахи одновременно, засверкают обведенными темной краской глазами, словно синяками, — просто жуть. А в видениях герою является прекрасная Сольвейг. Тут же лежит огромный валун. Его окутает дым, и в финале он сослужит спектаклю службу. На нем будет лежать постаревший Пер Гюнт, вернувшийся после сорокалетних скитаний в родные места. А у озера спиной к нему будет долго стоять старушка Сольвейг. Рядом, лицом к публике — та, давняя, прекрасная и молодая возлюбленная. И в этом что-то щемящее есть. Так сходится прошлое и настоящее, а будущего, скорее всего, нет. Сорок лет проскитался по земле Пер Гюнт. Побывал даже в Африке. Бесцельной ли была его жизнь, как нас когда-то учили? Бог весть. Всякая жизнь самоцельна. Сорок лет ждала этого человека прекрасная женщина. Теперь она седая и старая. Нам все время твердили, что Пер Гюнт — эгоист и приспосабливец, не то что другой ибсеновский герой, Бранд, готовый на любую жертву. А вот Танкред Ибсен назовет Пера храбрым человеком.

Удивительное дело, смотришь на

Последнее пристанище П. Гюнта

этом спектакль как на аттракцион, шоу и даже китч, а увозят мертвую Осе на тележке — и зал затихает, затив дыхание, как замирает он, глядя на состарившуюся в бесконечном ожидании Сольвейг. Звучит почти сугубенная для Норвегии музыка Грига, но знакомые темы просто прорывают до корней волос. Для Ибсена в “Пере Гюнте” заключено было много личного. Он и сам не жил на родине 27 лет, а образ Осе во многом списан им с собственной матери, во всяком случае, об этом Ибсен писал.

Перед спектаклем зрителям выдают козырьки от солнца. По истечении трех часов, когда надвигается ночь — впору выдавать куртки, так холодно. Согревает только кофе в антракте, благо продавцы с корзинками продают его вместе с кусками торта. Желающие могут согреться спиртным. Целая ярмарка товаров располагается рядом с летней площадкой, продают здесь массу вещей с атрибутикой “Пера Гюнта” и даже батоны колбасы в берестяной упаковке.

Второй акт начинается устрашающе, и словно это совсем другое шоу. Над головами — рокот мотора. Пролетают три самолета, сразу и не поймешь — настоящие, из жизни, или имеющие отношение только к спектаклю. А на “сцену” въезжает белый открытый лимузин, где вместо номера написано слово “GUNT” с Пером Гюнтом в белом костюме и розовой рубашке. Тут он вылитый Борис Моисеев — в макиже, весь такой неправдоподобно-эстрадный. Звучат возгласы “Америка! Америка!” как символ счастья и процветания. А вокруг целое море девушек в парандже. В предзакатном солнце зрелище, надо сказать, потрясающее воображение. И вот сам Пер уже в восточном халате с янтарным подбоем. Настоящий гарем, и женщины в черном склоняют головы, как в молитве, перед своим господином. Трактовать можно широко. По-

том Пер займется любовью с Анитрой прямо на капоте. Анитра тут — просто дама легкого поведения и одета соответственно. Она кинет своего героя, умчится на его авто в неизвестность, а он останется ни с чем.

Спектакль будут показывать на берегу озера и через год, в дни юбилея, когда пройдет большой ибсеновский фестиваль — это, собственно, то, что хочет туристически настроенная публика видеть в Норвегии, своего рода вариант матрешек или “Лебединого озера”, которых ищут путешественники в России. Вот публике и дают то, чего она ждет. Все довольны. В нынешнем году на фестивале, длившемся 12 дней и включившем 30 событий, было продано 19 500 билетов, побывали на нем 25 тысяч посетителей, а на действо, которое мы только что описали, было продано 14 тысяч билетов. В 10-м ряду они стоят 410 норвежских крон, это примерно 52 доллара. И билетов не достать. Всего на “Пер Гюнт-фестивале” было заработано 45 миллионов крон.

На следующий день наш небольшой отряд отправляется в Хого, на ферму вполне реального Пера Гюнта. Не выдуманный это персонаж, жил себе когда-то в этих дивных местах. Ибсен так и писал, что Пер Гюнт — реальный человек, живет в местечке под названием Gudbrandsdalen. Повстречал он его якобы в 1862 году. О происхождении Пера Гюнта до сих пор идут дискуссии, поговаривают о его немецких корнях. В любом случае в Норвегии Пера Гюнта ставят в один ряд с такими героями, как Ламлет и Фауст, а самого Ибсена чаще всего сравнивают с Шекспиром и Чеховым. Теперь наследник Пера Гюнта и собственник фермы устраивает нам экскурсию по своим владениям. На стенах — картины русской художницы Екатерины. Есть тут и антикварные вещи, им помогает ИКЕА, главным образом мебелью, создавать антураж. Был Пер Гюнт в Африке, в Марокко, вот тут и представлены африканские маски и фигурки, целая проходная комната подобных экспонатов. Молодой хозяин дома, прекрасно справляющийся с обязанностями экскурсовода, одет в кожаные ботинки, шерстяные гольфы до колен. Чем не современный вариант Пера Гюнта?

Потом нам покажут фрагмент спектакля Роберта Уилсона “Пер Гюнт”, премьера которого состоится в феврале в Осло. Накануне вечером у ужина вместе с Пером Гюнтом и Сольвейг — актерами, которым достались эти роли, и они оказались совсем другими существами и уж тем более отличными от тех, кого довелось увидеть в спектакле на пленэре. Очень талантливая молодая актриса Черсти Санда, учившаяся, кстати, в Осло у русского педагога Ирины, фамилию которой выговаривает с трудом: “Малаш-щевской”. И добавляет: “По системе Станиславского”. Судя по фрагменту, это будет очень любопытный спектакль.

В деревенском доме Пера Гюнта угощали не по-деревенски элегантно. Чего только стоят ягоды малины на кусочке ржаного хлеба. Что с такими известными и незамысловатыми продуктами сделали — непонятно, но вкус у простой этой еды удивительно аристократичный. Да и публика собралась изысканная — министр культуры Норвегии, директор Музея Ибсена в Осло, закрытого сейчас на реставрацию в преддверии предстоящего юбилея, крупнейшие исследователи творчества Ибсена и, в частности, знатоки “Пера Гюнта”.

А потом нас отвезут на крохотное кладбище с низенькими могилами памятниками вокруг деревянной церкви. Тут и расположен довольно высокий на общем фоне обелиск. На нем — имя: Пер Гюнт; и годы жизни: 1732 — 1785 (для сравнения годы жизни Ибсена: 1828 — 1906, можно только строить предположения, как же они тогда встретились). Поблизости, на специальной стойке, есть все необходимое для ухода за могилами: лейки, грабли, другой садовый инвентарь. Путешествие закончено.

Светлана ХОХРЯКОВА

Фото автора